

УДК 9(571.53)(-22)

Повседневность рабочих совхоза как отражение советского образа жизни сельчан в 1928–1945 гг.

Ю. А. Петрушин

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

В статье на примере повседневной жизни рабочих совхоза «Иркутский» союзного значения дается возможность понять советский образ жизни сельчан накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: совхоз, рабочие, зарплата, награждение, премия, подсобное хозяйство, трудовая книжка, рабочий день, отпуск, директор, бригадир.

В 1928 г. в Куйтунском районе в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) о расширении строительства зерноводческих хозяйств организуется первый в Иркутской области крупный совхоз «Иркутский» союзного значения с центральной усадьбой на железнодорожном разъезде Харик, примерно в 18 км от районного центра поселка Куйтун. Совхоз был организован на государственных свободных землях, включал в себя огромную земельную площадь – 80 тыс. га и был разбит на 7 отделений. Совхоз формировался до начала массовой коллективизации в районе, когда развернулся процесс насильственного раскулачивания единоличных хозяйств и сведение их наделов в единый колхозный земельный клин. Совхозное строительство совпало со свертыванием НЭПа и организацией советских хозяйств, работавших в плановом режиме, с обязательными поставками государству продукции сельского хозяйства. Совхоз рассматривался властью как гарантированная и надежная фабрика зерна. В это время советское государство испытывало острую нехватку продовольствия и сырья для быстрорастущих промышленных центров (шла индустриализация страны). Материально-техническую основу совхоза составляла техника, передаваемая хозяйству государством бесплатно (колхозы сельхозтехнику покупали или привлекали за плату в МТС). С началом образования совхоза «Иркутский» и его отделений сюда стала поступать новая отечественная техника, трактора СТЗ, ЧТЗ, комбайны «Сталинец», автомобили ГАЗ, АМО, а также зарубежная техника, приобретаемая за валюту и ценности, экспроприированные у населения. В хозяйстве принимали колесные трактора, комбайны и автомобили зарубежных фирм «Кейс», «Оливер», «Катерпилляр», «Крейслер», «Харпар», «Форд». Иногда с техникой прибывал из-за рубежа специалист той или иной фирмы и учил местные кадры его пользоваться. В довоенные годы совхоз и его отделения насчитывали более 100 тракторов, почти 50 комбайнов и, в отличие от колхозов, не испытывали

дефицита в технике [1]. Напротив, в технических отчетах часто встречаются акты о бесхозяйственном отношении трактористов к технике, ее простое, плохом обслуживании и ремонте. В соседних колхозах основной тягловой силой оставались лошади, а наиболее ценным работником на первых порах являлся конюх, внимательно следивший за лошадьми и состоянием упряжи в «хомутарке». Основными действующими кадрами в совхозе становились трактористы, комбайнеры, ремонтеры механических мастерских. Они получали социальный статус – рабочие совхоза.

Основной производственной и организационной структурой совхоза «Иркутский», как и других совхозов страны, выступала производственная бригада. Бригады территориально объединялись в отделения. Управление в совхозе, в отличие от колхозов (правление), было основано на принципах единоначалия. Совхоз «Иркутский» возглавлял директор, назначаемый Наркоматом совхозов СССР из Москвы. В начале 1930-х гг. директором был А. И. Кривоносов, с 1938 г. – К. А. Панченко. В совхозе был политотдел, контролирующий практически всю работу, в том числе партийного комитета, специалистов и директора. Начальником политотдела совхоза являлся А. А. Хаязин. Интересно, что он окончил МГУ, отделение международных отношений. С 1930 г. 4-м отделением совхоза «Иркутский» руководил Е. Д. Провкин. В 1944 г. он стал директором Чеботарихинской МТС, Героем Социалистического Труда (1957 г.). В числе бригадиров, трудившихся в 1930-е гг. в 4-м отделении совхоза, можно назвать Остапенко, Константинова, Быкова, Ваврикова [2].

Как мы уже отмечали, совхозное производство организовывалось и осуществлялось на государственной плановой основе. В централизованном порядке совхозу устанавливался план закупок сельскохозяйственной продукции, объем капитальных вложений, фонд заработной платы, урожайности и т. п. Из 80 тыс. га земельных угодий совхоза в 1930-е гг. обрабатывалось чуть более 21 тыс. га. Общая площадь зернового клина составляла около 12 тыс. га. Основная зерновая культура – пшеница, она размещалась на 7–10 тыс. га. Также в совхозе сеяли рожь, ячмень, овес. Под пары ежегодно оставалось 14–15 тыс. га. План сдачи хлеба для совхоза составлял 5,5, а к концу 1930-х гг. он был увеличен до 15 тыс. тонн, но полностью не выполнялся [3]. Первые годы деятельности совхоза урожай зерновых культур был низким. Пшеница давала по 4–5, рожь – 9–13 центнеров с гектара, и план хлебосдачи был весьма напряженным. На заседаниях дирекции совхоза специалисты не раз ностальгически вспоминали хорошую урожайность зерновых в дореволюционный период в Нижнеудинском уезде, когда единоличники стабильно получали по 60 пудов с десятины (9–10 центнеров с гектара) [4]. Примерно такой урожай в то время получали фермерские хозяйства в Англии. Причинами слабой урожайности были: невысокий уровень агрономии в хозяйстве, плохой семенной фонд, недостаточная обработка почвы. На обширных полях совхоза буйствовали сорняки, не выдерживались сроки сева и ручной прополки зерновых. Сказывались невысокая, на первых порах, квалификационная подготовка механизаторских кадров, нехватка запчастей и отсутствие хо-

рошей ремонтной базы. В итоге зернопоставки совхоза государству задерживались, семенной фонд часто восполнялся закупками в стабильных колхозах, где урожай был явно лучше. Особенно трудным для совхоза стал 1931 год, когда к хозяйственным неурядицам добавились сложные погодные условия – рано ударили сильные заморозки, повредившие посевы. Получалось, что недавно организованные колхозы успешнее справлялись с сельскохозяйственными работами, собирали лучшие урожаи, у них было меньше убытков, чем на совхозном государственном предприятии. Заметно было, что в колхозах была лучше организация труда, да и люди еще не отучились работать. Убытки в совхозе «Иркутский» и финансовая задолженность нарастали как снежный ком. Так, в 1934 г. задолженность совхоза перед государством составляла более 1 млн руб. [5]. Переход на хозрасчет и ужесточение дисциплины и порядка административными мерами, усиление деятельности политотдела давали мало эффекта. Совхоз постоянно просил у государства новые кредиты, перерасход фонда заработной платы и ГСМ в хозяйстве стал едва ли не нормой. Такая картина наблюдалась и в довоенные годы. С 1937 по 1941 г. ежегодные убытки совхоза составляли от 2 до 3 млн руб. [6]. Все это негативно отражалось на заработной плате рабочих совхоза. В 1932–1933 гг. она выплачивалась крайне нерегулярно. Рабочих кормили в счет зарплаты по талонам через систему ОРС (отдел рабочего снабжения). Настроения в этот период в коллективе совхоза всех отделений резко ухудшились. Как отмечалось в совхозных отчетах, «оно стало скверным», усилилась текучка кадров. Общая социально-политическая ситуация в стране также была сложной – свирепствовал голод 1932–1933 гг., уносивший тысячи жизней. 29 декабря 1933 г. в совхоз поступила очередная телеграмма из Москвы о заготовке хлеба и продуктов, о нормах снабжения рабочих. Руководству совхоза предлагалось выдавать рабочим продуктовый паек. На уборочных работах квалифицированным кадрам полагался 1 кг пшеничного хлеба в сутки, остальным рабочим – 800 г; иждивенцам – по 400 г [7]. Одновременно усиливался нажим на работников совхоза, имевших свои наделы и подсобные хозяйства. Рабочим совхоза в этот период разрешалось держать только одну корову. Они обязаны были сдавать продукцию с приусадебного участка, что вело к резкому свертыванию подсобного хозяйства. (Этот налог отменил Н. С. Хрущев в конце 1950-х гг.). Получалось, как в фильме «Чапаев»: некуда было крестьянину податься: в колхозе грабят, в совхозе положение не лучше.

Обязательные хлебозаготовки начала 1930-х гг. обрекали сельчан на голодание. Деревня оказалась ослабленной и обесиленной. На еще не вызревших и послеуборочных полях совхоза часто появлялись «парикмахеры» – сельчане, срезавшие ножницами колосья. Когда начиналась уборка, возникали «несуны». Зерно несли в карманах с полей, токов. 7 августа 1932 г. был принят Закон об охране социалистической собственности, подписанный Сталиным. Он вводил в качестве судебной репрессии за хищение колхозного и совхозного имущества высшую меру социальной защиты – расстрел и конфискацию всего имущества. «Закон о пяти колосках» – так называли его в народе. В решении политотдела совхоза «Иркутский» говорилось, что если потери

на поле составят 50 колосков на 1 м², то это будет считаться для механизаторов, убирающих хлеб, вредительством [8]. Нарастала кампания по наказанию полеводов, комбайнеров. Власть неустанно повторяла, что классовая борьба обостряется, и ужесточала дисциплину. Потерянные колоски не разрешалось подбирать. За этим строго следили объездчики полей, их назначали из наиболее «сознательных» рабочих.

В этот период от рабочих в массовом порядке поступали заявления об уходе, политотдел совхоза «работал» не покладая рук. В коллективах отделений нередко раздавались антисоветские лозунги. В политотдел поступали политические донесения из отделений совхоза о неблагонадежных настроениях рабочих. Так, в одном из политических донесений из 4-го отделения за 1935 г. отмечалось, что настроение рабочих и бригадиров нерадостное. Сельчане говорят: «Мы в работе не железные. Плохо знаем, что зарабатываем. Карточки отменили, а хлеб дорогой. Ходим на работу голодные по 2 дня». В других отделениях наблюдалась подобная картина. Рабочие портили посевы хлебов, инвентарь, без оглядки перерасходовали ГСМ. Нередко в деревнях можно было услышать разговоры, что выборы в Советы не интересны, все равно назначат тех, кого власть укажет. Механизаторы втихомолку судачили о недостатках трактора ЧТЗ, который еще нужно доводить до ума [9]. Дирекция и политотдел совхоза ужесточали меры наказания людей. Так, в 4-м отделении комиссия «выявила недостатки сева полей возле станции Мингатуй». Был наказан полевод Михайловский (его осудили на 2 года заключения) [10]. В 1935 г. в дирекции совхоза обсуждалось закрытое письмо «О повышении революционной бдительности в работе политотделов». Оно строго указывало «очистить совхоз от чуждо-классовых элементов». По данным политотдела, за 1933–34 гг. из совхоза было выселено 53 человека, привлечено к строгой уголовной и административной ответственности за хищение социалистической собственности 40 человек, 5 отдано под суд, 6 рабочих отдано под суд за вредительство. Политотдел обязывал руководство оперативно «реагировать на распространение антисоветских и контрреволюционных слухов и анекдотов, пресекать разговоры рабочих, что якобы Сталин подослал убийцу к Кирову» [11].

И все же из совхоза можно было уйти в город. Крестьянам же паспортов не давали до 1953 г., и им из колхоза путь был заказан. Во второй половине 1930-х гг. власть уже жестко контролировала настроения сельчан, применяла репрессивные меры к рабочим и крестьянам. Система страха довлела повсюду, заставляла жить и работать под контролем органов власти и партии. Доверительные разговоры перемещались в повседневную жизнь и семейные отношения и сохранялись на обыденном уровне до хрущевской оттепели. Репрессивные меры коснулись в 1937–1938 гг. и работников совхоза. Люди боялись доносов, «черных воронок», обвинений во вредительстве, господствовала атмосфера подозрительности и стукачества.

Понимая всю остроту и опасность политической ситуации в связи с острым продовольственным положением в стране, в конце 1934 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял решение об отмене карточной системы снабжения хлебом и

его свободной торговле. Накануне нового 1935 г. в 4-м отделении совхоза состоялось общее собрание рабочих, которые «одобрили отмену карточек и обещали власти развернуть борьбу со спекуляцией хлебом, а также еще теснее сплотить свои ряды в социалистическом труде» [12]. Подобные рапорты шли в Москву со всех концов нашей многострадальной страны.

Как бы ни трудна была совхозная жизнь, но она казалась немного легче, чем колхозная кабала. Неслучайно в начале 1930-х гг. на совхоз «Иркутский» пришелся наибольший приток рабочих рук из соседних деревень. Крестьяне уходили из колхозов в совхоз от раскулачивания, от непосильных натурпоставок, от кабальных условий труда, от пустого трудодня. Сельчане стремились к нормированному рабочему времени и денежной выплате, к гарантированному продовольственному пайку. В совхозе были лучше условия для учебы молодежи, она быстрее овладевала новой техникой, здесь были интереснее мероприятия культурной жизни. Новая активная совхозная молодежь легко расставалась с традиционными деревенскими вечерками, религиозными праздниками и даже народными песнями, включаясь в кампанию «Долой песни кулацкой деревни! Даешь песни советской жизни!». Они с удовольствием напевали песню композитора В. Захарова «Прокати нас, Петруша, на тракторе» и другие – «Вдоль деревни», «Зелеными просторами», «И кто его знает», которые поют до сих пор. Так зарождался сельский пролетариат, который вместе с рабочими МТС, по плану партии, должен был стать «гегемоном в деревне». Заметим, что в социальном поведении сельских рабочих было заметно превосходство над крестьянами, которые воспринимались им как отсталый класс, нуждающийся в руководстве и дружеской опеке.

В начале 1930-х гг. ежегодно в период страды дефицит рабочих рук во всех отделениях совхоза составлял 500–600 человек. На первых порах осуществлялась добровольная вербовка в совхоз единоличников. С 1933 г., когда в совхозе был образован политотдел, на единоличников начался нажим. Их принудительно доставляли на совхозные поля, но люди разбегались. Некоторые единоличники уходили в лес, строили шалаши и писали «письма в родные края». Такие факты были и в 4-м отделении. Здесь особенно не хватало рабочих, когда требовалось вручную убирать полеглые хлеба (комбайны его не брали). Политотдел поручил Каразейскому сельсовету осуществлять вербовку рабочих для 4-го отделения в селах Тулюшка и Ан-Заводе. Была также разработана система привлечения на уборку урожая женщин и всех домохозяек. Политотдел обязывал их принимать на себя специальные займы по отработке определенных часов на совхозных нивах. В архивных документах нам встретился список домохозяек, трудившихся на уборке урожая в 4-м отделении в 1934 г. В нем значатся фамилии: Дворянская Н., Зубова М., Сорокина Д., Быкова Л., Провкина Е., Ухо Е., Солоха Е., Остапенко Ф. и др. Эти женщины «брали обязательства» отработать в поле не менее 100 часов и даже перевыполняли норму, выработывая по 150–200 часов. В то же время натуральная плата привлеченным выдавалась при условии выполнения совхозом плана сдачи хлеба государству. Руководство и политотдел совхоза в министерском отчете почти с умилением отмечали, что «привлеченные к уборке

кадры работают хорошо, даже с песнями. На скирдовке соломы участвуют 96-летний старик со своей старухой, которой исполнилось 77 лет» [13].

Женщины поселка трудились на хлебной ниве вместе с комбайнерами отделения Ф. Мухиным, Н. Софроновым, А. Быковым, И. Гусаковым, С. Соколовым, П. Гамаюновым, И. Дегтяревым и др. Но самой тяжелой работой для женщин в довоенные годы был труд прицепщицей. На прицепах работало 90 % женщин совхоза. В колхозах на плуги прицепщицами также «сажали» слабеньких девчужек.

В совхозе к середине 1930-х гг. сформировались свои кадровые рабочие, добросовестно трудившиеся на производстве: трактористы В. Быков, А. Рябчук, М. Константинова, И. Гришуленко; полевод-механик Д. Михайловский; кузнецы И. Зезюля, П. Карасев, А. Петухов. В совхоз направлялись также демобилизованные красноармейцы-трактористы. На центральной усадьбе совхоза, в поселке Харик, в 1934 г. организуется школа совхозного ученичества (будущее СПТУ). Здесь готовились кадры механизаторов и ремонтеров для всех отделений совхоза «Иркутский». Интересно, что в эту школу принималась молодежь не моложе 16 лет из комсомольцев с хорошим здоровьем. Училище подготовило тысячи классных механизаторов для района и области.

К 1935 г. во всех семи отделениях совхоза трудилось более 1,5 тыс. рабочих. Постепенно их численность уменьшается, и к 1941 г. составила 500 человек (многие крестьяне вынуждены были вернуться в свои колхозы). Сказался и процесс механизации совхозного производства, требовались специалисты комбайнеры и трактористы, уменьшалась доля разнорабочих.

В 1933 г. политотдел совхоза, в соответствии с требованиями из Москвы, издал приказ «О работе с детьми». В нем ставилась задача охватить всех детей рабочих всеобучем. Заметим, что детям рабочих совхозов было больше преимуществ в получении образования, чем из крестьян. Им легче было поступить в школу рабочей молодежи второй ступени в поселке Куйтун. Вот почему некоторые сельчане, стремившиеся дать образование своим детям, в начале коллективизации переходили на работу в совхоз «Иркутский».

С середины 1930-х гг. власть стала активнее использовать массово-политические мероприятия для морального стимулирования трудовой активности рабочих совхоза. С 1935 г. в совхозе разворачиваются стахановское движение и социалистическое соревнование. Постепенно выстраивается система материального и морального поощрения, стимулирования передовиков сельскохозяйственного производства. В совхозе создается специальная конкурсная комиссия по премированию ударников производства. Одним из первых передовиков 4-го отделения совхоза стал тракторист А. Быков. Его отметили в приказе, как и других передовиков производства, за честную и ударную работу «от темна до темна», за хорошее отношение к машине и земле. Передового тракториста наградили 5 метрами молескина (плотная, прочная хлопчатобумажная ткань) [14]. Передовиков других отделений поощряли деньгами – 25; 50 руб., тканью. Женщин-ударниц руководство «одаривало» цветастыми платками. При общей бедности люди были рады и таким наградам. Совхозных стахановцев руководство старалось в первую очередь снаб-

жать также дровами, выдавать талоны на покупку товаров вне очереди в ОРС. На общих собраниях звучал лозунг «Ударнику – ударное снабжение! Лодырей, рвачей, тунеядцев на черную доску!». Фамилии передовиков производства красовались на «Доске почета» в отделениях совхоза, ими гордились родные и близкие, они рекомендовались на краевой съезд трактористов и комбайнеров. В эти годы большим авторитетом в совхозе пользовались механизаторы И. Р. Вавриков, А. В. Солоха, С. П. Тарасов и др. Отстающим вешали на рабочее место рогожные знамена из мешковины, бракоделов критиковали и высмеивали в стенной печати, их даже снимали с продовольственных пайков [15].

К середине 1930-х гг. явно обозначилась грань между совхозной бюрократией и рядовыми рабочими. Кадры механизаторов и ремонтеров довольствовались бесплатными комбинезонами и кирзовыми сапогами. К их услугам были бани и вошебойки для дезинфекции. В 4-м отделении также была общественная баня. Рабочим даже выдавали чистое нижнее белье в счет зарплаты, угроза сыпного тифа не была снята в условиях скученности в общежитии и антисанитарии на летних кухнях. Совхозное же руководство получало по специальным фондам добротные полушубки, кожаные сапоги. Им выдавали дорогие путевки для курортного лечения в Крыму. Руководители и совхозные специалисты хорошо знали вкус дефицитных продуктов питания и не очень заботились о товарах повседневного спроса (к их услугам были закрытые распределители на складах ОРС), они передвигались на легковых автомобилях. Так в 1930-е гг. властью взращивалась сельская, партийно-хозяйственная номенклатура, которую в народе называли «начальством».

Все более возрастающую роль в производственной и общественно-политической жизни играла партийная организация совхоза. Партийное руководство осуществлялось Куйтунским районным комитетом партии и совхозным политотделом (1933–1935 гг.). В 1930-е гг. в совхозной парторганизации состояло более 50 коммунистов [16]. Все они были из крестьянской бедноты, малограмотные, занимали простые рабочие должности, с трудом проходили партийные чистки. В ходе партийных чисток члена партии могли перевести в кандидаты и даже в сочувствующие. Коммунисты обязаны были не только хорошо работать на производстве, но и активно участвовать в общественно-политической жизни совхоза. Некоторые коммунисты являлись членами сельского совета, другие организовывали комсомольцев и молодежь, домохозяйек и пионеров на различные массовые мероприятия. Никакими особыми привилегиями они не пользовались. Недостаток общего образования коммунисты пытались ликвидировать изучением «Краткого курса истории ВКП(б)», который догматизировал нашу историю. Много времени активисты уделяли общественно-политической работе, наверное, верили в светлое будущее, как писал в своих рассказах Б. Можаяев, не зная по-настоящему вкуса халвы и мармелада. В отделениях сложилось ядро беспартийных активистов, участвующих в общественной и культурной жизни совхоза [16]. Грамотные активисты устраивали громкие читки в бригадах, оформляли стенную печать, проводили беседы. На основе новой Конституции 1936 года, в 1937 г. были

проведены выборы в Верховный Совет СССР, в ходе подготовки и проведения которых «пробудилась политическая активность» рабочих совхоза. Интересно, что в районной газете «Коммунар» все чаще появлялись критические заметки о сельской жизни за подписью «Знающий», «Колхозник», «Посторонний», «Профуполномоченный». Такие публикации вызывали живой интерес у сельских читателей, обсуждались на полевых станах в обеденные перерывы. Но наибольший резонанс у рабочих совхоза вызвала радиофикация центральной усадьбы поселка Харик, где проживала 1 тыс. сельчан, а также появление в 1935 г. в клубе звукового кино.

Большое внимание власть обращала на пропаганду деятельности передовых совхозов страны. В отделениях совхоза «Иркутский» широко освещалась деятельность передового сталинградского совхоза «Серп и молот». В официальных агитках говорилось, что здесь был выстроен новый поселок, крутили звуковое кино, даже организовали кукольный театр. Куклы изображали лодырей, пьяниц, тунеядцев. Власть хвалила пионеров этого передового совхоза, которые сообщали в политотдел о неисправных тракторах, следили за порядком в поле. Так с детства поощрялось доноительство. Однако рабочие совхоза «Иркутский» весьма скептически отнеслись к подобному показушному опыту [17].

Отличительной особенностью жизни рабочих совхоза было наличие у них профсоюзных прав, чего не было у крестьян. Худо-бедно, но профсоюз (председатели рабочкома Жариков, Букин) позитивно влиял на жизнедеятельность рабочих. Им выплачивалась зарплата, рабочие имели выходные и праздничные дни, отпуска, осуществлялась сносная охрана труда и здоровья, о чем крестьяне могли только мечтать. С 1939 г. рабочим совхоза стали оформлять трудовые книжки. Председатели рабочкома совхоза 1930-х гг. старались поддерживать сносное состояние тружеников хозяйства. Во второй половине 1930-х гг. материальное положение тружеников хозяйства стало меняться в лучшую сторону. Их заработок за период посевной и уборочной составлял от 100 до 600 руб. (с учетом удержания за перерасход ГСМ) [18]. Заработки зимой на ремонте были совсем маленькие, от 30 до 60 руб. Стабилизировалась заработная плата и у разнорабочих. Рабочие совхоза стали лучше питаться. Обед из двух блюд в столовой на центральной усадьбе поселка Харик стоил 1 руб. 20 коп. Самыми ходовыми продуктами в магазинах ОРС были: хлеб, сахар, макаронные изделия, консервы, табак. Подсобное хозяйство рабочих давало мясо, молоко, картофель, овощи. Однако в конце 1930-х гг. центральная власть вновь озаботилась «социалистическим обликом» рабочих. В 1939 г. дирекция и партком совхоза обсуждали меры по реализации Постановления СНК, ЦК ВКП(б), ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле». Управленцев беспокоили участившиеся разговоры рабочих отделений о соблюдении 8-часового рабочего дня. Рабочие не желали оставаться в поле после 8 часов работы, даже несмотря на страдную пору. Особенно раздражало начальство наличие у рабочих увеличивающегося подсобного хозяйства, осо-

бенно в 4-м отделении. Здесь некоторые рабочие держали по 3–4 коровы, выращивали много картофеля, летом не спешили на производственную работу, активно заготавливали для своего хозяйства сено. Женщины-домохозяйки также все более поглощались своим хозяйством. Все это расценивалось властями как «мелкобуржуазная собственническая болезнь» рабочих. Было принято большевистское решение: запретить держать в хозяйствах рабочих более 1 коровы, выделять корма только на одно животное. Кто будет не согласен, тех предлагалось увольнять из совхоза, а недостающие кадры набирать в колхозах [19]. Через 20 лет Н. Хрущев сполна воплотил идеи своих партийных товарищей из 1930-х гг., «обрезая огороды и до предела ужимая личное подсобное хозяйство» деревенских пролетариев. И все же жизнь налаживалась, она стала лучше, чем в начале 1930-х гг., хотя была не такой веселой, как любил фарисействовать Сталин, но грянула война.

Из отделений совхоза уходили на фронт рабочие, кормильцы своих семей. По деревням и селам заголосила русская гармонь мелодию песни «Последний нынешний денечек»; заплаканные женщины и дети провожали своих мужей, отцов, братьев. Существенно уменьшился парк колесной техники, возросла доля физического труда. На смену мужьям на производство приходили женщины и дети. Заметно ослабло личное подсобное хозяйство сельчан. Уже к осени 1941 г. резко подскочили цены на продукты питания. Так, например, мука стала стоить 85–90 руб. за килограмм вместо прежних 50–60 руб. [20]. Люди явственно ощутили смертельную опасность для себя и страны.

В годы Великой Отечественной войны лидерами являлись 1-е и 2-е отделения, регулярно награждаемые переходящим Красным знаменем. Управляющие отделениями по мере своих сил и возможностей старались выполнить плановые задания и поддержать людей в военное лихолетье. В 1942 г. управляющий 4-м отделением Агапитов вопреки директивам совхозного начальства выдал рабочим 72 центнера отходов. Труженики других отделений очень завидовали этим работникам, получившим такой подарок в трудное голодное время. Однако руководство совхоза сочло этот факт «разбазариванием ценного фуража». Оно усмотрело, что в отходах было 10 % зерна [21]. Управляющему был объявлен строгий выговор по партийной линии, а дело было передано в суд. Органы НКВД «зорко» следили за сохранностью продукции сельского хозяйства. В 1943 г. управляющему отделением Щеколкову было указано, что на полях обнаружен факт среза колосков. «Органы» потребовали строго пресекать подобные факты, организовать бдительную работу полевых объездчиков. Все это говорит о том, что семьи рабочих стали испытывать недоедание и даже голод. Он вынуждал работников нести с полей и подтоварника овощи, муку, зерно, картофель. В то же время их продовольственное положение по сравнению с колхозами было несколько лучше. Все-таки рабочие получали заработную плату, а трактористы и комбайнеры еще и натуральную плату. Для возделывания огородов рабочим иногда выдавали семена картофеля, капусты, выписывали дрова. С другой стороны, на рабочих оказывался сильный нажим по обязательной подписке на заем. Дирекция и партком совхоза добивались, чтобы каждый рабочий подписался на заем в

размере месячного, а специалисты на полуторамесячный оклад. Каждое отделение совхоза должно было подписаться на заем в размере от 6 до 8 тыс. руб. ежегодно. Кроме того, привлечь на накопительный счет сбербанка не менее 3 тыс. руб. Если к этому добавить добровольные взносы средств на постройку танков, самолетов, теплые вещи и посылки на фронт, станет ясно, что доход семей рабочих был крайне скудным.

Оставляла желать лучшего и система нормированного снабжения рабочих и торговли. Рабочие отделений регулярно жаловались, что продукты не доходят до них. Они говорили: хлеб плохой, в нем даже попадалась солома. Сахара вместо месячной нормы 200 г выдавали по 100 г. В годы войны не достать было мыла, ниток, керосина (им пользовалась вся российская деревня). Даже стахановцам торговля недодавала положенной нормы мыла (вместо одной печатки давали половину). Женщинам не выдавали «детское приданое». Обсчеты и обвесы в торговой сети не искоренялись. Рабочие жаловались в дирекцию, партком, рабочком совхоза [22]. Однако командно-административная система и законы военного времени жестко держали рабочих и служащих в рамках строжайшей ответственности и страха. Например, известное правительственное решение от 26 июня 1940 г. запрещало самовольный уход с рабочего места и переход на другое предприятие. Указ 1941 г. устанавливал режим рабочего времени, увеличивал продолжительность трудового дня, отменял отпуска, вводил обязательные сверхурочные работы. За каждым отделением совхоза были закреплены уполномоченные, следившие за работой, проводившие агитационно-массовые мероприятия. В 1943 г. трактористов и комбайнеров совхоза даже пробовали перевести на казарменное положение, но из этого ничего не получилось. Специалисты и механизаторы предпочитали жить по своим домам.

И все же не только страх заставлял изможденных работников ежедневно выходить на фермы, в поле, мастерские, а осознание необходимости помочь отцу, мужу, брату, солдату, который рискует самым главным – жизнью в битве с врагом. Воинам был нужен хлеб, чтобы отстоять нашу жизнь, Отечество. Сибирь становилась одним из важнейших районов поставки хлеба государству. Этому требованию была подчинена система государственных, обязательных поставок продовольствия в годы войны. Несмотря на уменьшение количества квалифицированных кадров и техники, совхоз обязан был сохранить прежние посевные площади зерновых культур. В 1940 г. посевные площади совхоза составили чуть более 15 тыс. га, а урожайность – 8,7 ц с га; в 1941 г. соответственно 15 тыс. га, урожайность 7,9 ц с га; в 1942 г. – 16 тыс. га, урожайность 5,4, ц с га; в 1943 г. – 14 тыс. га, урожайность 3 ц с га (самый низкий за военные годы). В победном 1945 году совхоз сдал государству 29 561 ц хлеба (90 % плана). Урожайность составила 5 ц с гектара [23]. Таким образом, благодаря трудовому подвигу работников, совхоз в основном сохранил в сельскохозяйственном обороте свои обрабатываемые земли.

Самыми трудными для хозяйства и людей оказались 1943 и 1944 годы. К середине войны общественное хозяйство заметно ослабло. Квалифицированные кадры и техника убыли на фронт. Из 852 рабочих совхоза трактористов

осталось 46, комбайнеров 28 человек [24]. Это были в основном молодые ребята и девочки, осваивающие технику в войну. У людей накопилась огромная психологическая и физическая усталость. Тракторный парк насчитывал около 70 изношенных машин, в основном колесников. Не хватало запчастей и ГСМ. Директора совхоза военной поры Головкин, Сильманович, Сугак предпринимали немало усилий, чтобы поддержать в рабочем состоянии кадры рабочих, материально-техническую базу хозяйства. Подготовка молодых кадров на курсах механизаторов шла плохо. Нехватку кадров учащихся механизаторов в 1942 г. пытались восполнить бывшими заключенными и даже цыганами, которые разбегались. С большими трудностями набора сталкивалась и школа комбайнеров в Балаганском районе. Почти не соблюдался своевременный технический уход за машинами. Часть тракторов была переведена на газогенераторную основу. Требовалась постоянная заготовка и просушка чурочек. Все это негативно сказывалось на обработке почвы, сроках сева и уборке урожая. Как правило, в конце мая объявлялся фронтальной декадник по завершению посевной. С 1942 г. в хозяйстве использовать в полевых работах крупнорогатый скот. Возросла конная тяга.

Понятно, что хромала агрономия. Вывоз навоза на поля и раньше был весьма трудоемким делом, а в войну он стал просто неподъемным во всех отделениях и достигал едва 50 % от плана. Женщины и школьники не справлялись с ручной прополкой хлебов. Слабо проводилось снегозадержание, сбор золы и птичьего помета срывался. Семенами хозяйство в годы войны было обеспечено на 40–50 %. Не случайно старожилы вспоминают: «Центнер посею, три-четыре соберу. Таким был фронтальной урожай». Но, кажется, вкусней и слаще этого хлеба не было. Это был самый ценный хлеб. В документах той поры можно прочитать: каждый центнер хлеба – снаряд по немцам! С этим не поспоришь.

Уборочная страда, как правило, заканчивалась со снегом. В хозяйстве не успевали со скирдовкой соломы. Потери зерна на 1 гектар составляли 25–50 кг. В 1942 г. в отделениях были созданы специальные бригады из женщин и детей по подбору колосков и сдаче их на зерноток. Современному читателю нетрудно понять, что такое состояние совхоза приносило государству немалые убытки. За период войны ежегодные убытки составляли не менее 2 млн руб., в 1945 г. – 1 млн руб. В 1945 г. себестоимость ржи составила 124 руб. при плане 60 руб.; яровых – 67 руб. при плане 42 руб. за центнер [25]. В условиях военного времени о прибылях говорить не приходится, вопрос состоял о выживании и победе над врагом.

Изнашивалась и ломалась техника, ветшало жилье и одежда, но не люди. Рабочие совхоза трудились самоотверженно, на совесть. В архивных документах часто упоминается фамилия тракториста 4-го отделения совхоза, инвалида войны Н. Бадинского. На своем ЧТЗ он вырабатывал более 400 га мягкой пахоты, экономил ГСМ. Всего в совхозе в годы войны было 92 стахановца. В передовиках ходил комбайнер 2-го отделения Перепеткин. Трудно выделить кого-то из женщин совхоза, поспевающих и в поле, на зерноток, ферму. Они постоянно были озабочены пропитанием своих детей, собирали

посылки на фронт, стойко встречали горестные вести о гибели родных и близких. В совхозе создавались звенья фронтовых подруг. Низкий поклон женщинам военного времени! [26]

Свою лепту в победу вносили школьники. Они создавали группы юных фронтовиков, собирали колоски, верхушки клубней картофеля, золу, птичий помет, готовили чурочки для газогенераторных тракторов, возрождали тимуровское движение в помощь семьям фронтовиков. Всего в совхозе во всех отделениях было около 100 комсомольцев военной поры. По воспоминаниям Н. Бадинского, лидером молодежи 4-го отделения до призыва в армию был И. Ухо. Он вместе с ребятами и девочками работал в поле. По вечерам они организовывали художественную самодеятельность, читали стихи, пели песни, сочиняли стихи и интермедии [27]. Несмотря на суровые будни, молодость брала свое, и люди это понимали. Нужна была какая-то психологическая разрядка тяжелым испытаниям.

Помимо самодеятельного творчества партийная организация совхоза (насчитывала во всех отделениях 30 коммунистов) проводила массово-политические мероприятия. В системе политического просвещения изучалась книга Сталина о Великой Отечественной войне. Для населения читались лекции «Войны справедливые и несправедливые», «Царицын-Сталинград», «Комсомол в войне», «Женщины в войне» и др. Между отделениями всю войну неустанно курсировал кольцевик. Он развозил почту, газеты. Его ждали с письмами с фронта и боялись похоронок. Районная газета «Коммунар» выходила в течение всей войны. Скромно, но проводились мероприятия, посвященные Красной Армии, женскому дню, годовщине революции.

Не забывали жители и религиозные праздники: Рождество, Крещение, Пасху, Покров и др. В годы войны Советская власть изменила свою политику по отношению к церкви и верующим. Она характеризовалась большей терпимостью к православию. Если в 1930-е гг. партком и рабочком совхоза возмущался, что в домах рабочих нет портретов вождей, то теперь вынужден был считаться с появлением религиозной атрибутики. В домах некоторых сельчан вновь открыто появились иконы, читалась Библия, извлеченная из глубоких домашних сундуков, тихо велись умиротворяющие религиозные беседы, люди молились за здоровье фронтовиков, упокой души погибших. Эти атрибуты общения с Всевышним пережили военное лихолетье, сохранялись и в 1960-е годы, когда приходилось их видеть в домах пожилых людей совхозного поселка. К сожалению, развернувшаяся в послевоенные годы антирелигиозная пропаганда нанесла верующим немало душевных ран. Лекторы совхоза даже гордились, что к 1965 г. иконы остались только в 13 квартирах, и недалек тот день, когда люди выбросят последние на «свалку истории». Как же глубоко все мы заблуждались, находясь в плену атеистической пропаганды, не понимая души наших предков, поколение отцов и матерей, с религией переживших тяжелейшие исторические испытания!

Велик подвиг тех, кто ковал победу в тылу. Но не поддается оценке боевой подвиг наших воинов-земляков. За мужество и отвагу бывшему трактористу совхоза «Иркутский» Илье Игнатьевичу Ухо было присвоено звание

Героя Советского Союза. Не дожил до светлого дня победы воин-герой, он погиб в борьбе с врагом, но его хорошо помнят земляки. Его именем назван поселок (Уховский), школа, пионерская дружина. Вечная слава фронтовикам! Памятник до неба тем воинам совхозного поселка, кто не вернулся из боя!

История поглотила совхозы, основанные на государственной форме собственности, с ее плановым хозяйством и административно-командными методами управления. Но потомки тех, кто образовывал зерноводческое хозяйство, не должны стыдиться и страдать за работу своих отцов и дедов. Их предки честно и самоотверженно строили наше общество, трудились на советское государство, а значит на себя. Труд человека всегда был и будет в цене поколений. Не нужно забывать, что совхозная мобилизационная экономика внесла свой вклад в победу над фашизмом.

Опыт показывает, что сплошное обобществление (совхоз) на основе государственной собственности был одним из вариантов возрождения российской экономики после революции и свертывания НЭПа. Разумеется, это был не самый эффективный, но реальный путь в нашей истории. Об этом нельзя забывать. Очевидно, ни одна форма собственности, государственная или частная, полностью не решит экономических и социальных проблем общества. Вероятно, будущее – за смешанной формой собственности как наиболее гибкой моделью модернизации страны и свободы выбора деятельности человека.

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее ГАНИИО). Ф. 249. Оп. 1. Д. 25. Л. 67. 2. ГАНИИО. Ф. 249. Оп. 1. Д. 10. Л. 48. 3. ГАНИИО. Ф. 249. Д. 4. Л. 6.; Д. 16, Л. 1, 5, 8; Ф. 309. Оп. 1. Д. 22. Л. 51. 4. ГАНИИО. Ф. 249. Д. 15. Л. 20–26. 5. ГАНИИО. Ф. 249. Д. 16. Л. 1. 6. ГАНИИО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 28, Л. 31. 7. ГАНИИО. Ф. 249. Оп. 1. Д. 13. Л. 6, 37. 8. ГАНИИО. Ф. 249. Оп. 1. Д. 16. Л. 19. 9. ГАНИИО. Ф. 249, Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 8. 10. ГАНИИО. Ф. 249. Оп. 1. Д. 15. Л. 79. 11. ГАНИИО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 12. Л. 46 12. ГАНИИО. Ф. 249. Д. 14. Л. 25. 13. ГАНИИО. Ф. 249. Д. 16. Л. 5, 8, 33; Д. 18, Л. 8. 14. ГАНИИО. Ф. 249. Д. 21. Л. 12. 15. ГАНИИО. Ф. 249. Д. 25. Л. 59, 68, 183. 16. ГАНИИО. Ф. 249. Д. 20. Л. 1, 2. 17. ГАНИИО. Ф. 249. Д. 11. Л. 14. 18. ГАНИИО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 16. Л. 32. 19. ГАНИИО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–4. 20. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 7. Д. 564 а, Л. 107.	1. The Irkutsk Region State Archive of Modern History (furthermore IRSAMH) F. 249. Inv. 1. Doc. 25. P. 67. 2. IRSAMH. F. 249. Inv. 1. D. 10. P. 48. 3. IRSAMH. F. 249. D. 4. P. 6; D. 16, P. 1, 5, 8; F. 309. Inv. 1. D. 22. P. 51. 4. IRSAMH. F. 249. D. 15. P. 20–26. 5. IRSAMH. F. 249. D. 16. P. 1. 6. IRSAMH. F. 309. Inv. 1. D. 28. P. 31. 7. IRSAMH. F. 249, Inv. 1. D. 13. P. 6, 37. 8. IRSAMH. F. 249. Inv. 1. D. 16. P. 19. 9. IRSAMH. F. 249. Inv. 1. D. 24. P. 1, 8. 10. IRSAMH. F. 249. Inv. 1. D. 15. P. 79. 11. IRSAMH. F. 309. Inv. 1. D. 12. P. 46 12. IRSAMH. F. 249. D. 14. P. 25. 13. IRSAMH. F. 249. D. 16. P. 5, 8, 33; D. 18, P. 8. 14. IRSAMH. F. 249. D. 21. P. 12. 15. IRSAMH. F. 249. D. 25. P. 59, 68, 183. 16. IRSAMH. F. 249. D. 20. P. 1, 2. 17. IRSAMH. F. 249. D. 11. P. 14. 18. IRSAMH. F. 309. Inv. 1. D. 16. P. 32. 19. IRSAMH. F. 309. Inv. 1. D. 22. P. 1–4. 20. IRSAMH. F. 127. Inv. 7. D. 564 а, P. 107. 21. IRSAMH. F. 309. Inv. 1. D. 28, P.

21. ГАНИИО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 28. 1–16.
Л. 1–16.
22. ГАНИИО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 28(б). Р. 10.
Л. 10.
23. ГАНИИО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 28; Д. 28 (б).
Д. 28 (б).
24. ГАНИИО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 28. Р. 31.
Л. 31.
25. ГАНИИО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 28 (б). (б), Р. 10.
Л. 10.
26. ГАНИИО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 28. Р. 16–31.
Л. 16–31.
27. По Ленинскому пути. – 1985. – 23
апр.
22. IRSAMH. F. 309. Inv. 1. D. 28(b),
L. 10.
23. IRSAMH. F. 309. Inv. 1. D. 28;
D. 28 (b).
24. IRSAMH. F. 309. Inv. 1. D. 28.
L. 10.
25. IRSAMH. F. 309. Inv. 1. D. 28
(b), P. 10.
26. IRSAMH. F. 309. Inv. 1. D. 28,
P. 16–31.
27. According to the Lenin's path. –
1985. – April 32th.

Sovkhoz Labourers' Everyday life as a Reflection of Soviet Life of Villagers in 1928–1945

Yu. A. Petrushin

Irkutsk State University, Irkutsk

The article concerns sovkhoz labourers' everyday life during pre-war years. Sovkhoz manufacture was forming on the state lands and subordinated to the direction assigned by the authorities. Sovkhoz workers had status of state employees and corresponding social rights. Sovkhoz manufacture was an inefficient economic form and yielded loss to the state.

Key words: sovkhoz, workers, wages, bonus, premium, household plot of a collective farmer, work record card, work day, holiday, director, foreman.

Петрушин Юрий Александрович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой современной отечественной истории Иркутского государственного университета, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)240522, e-mail: y.Petrushin@hist.isu.ru

Petrushin Yuriy Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Contemporary Russian History, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952)240522, e-mail: y.Petrushin@hist.isu.ru